

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.71

DOI 10.17223/23088451/10/1

А.В. Архипов

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ (IX – XVI ВЕКА)

Статья посвящена истории возникновения норм об уголовной ответственности за хищения в праве Древнерусского государства. Автор анализирует дошедшие до наших дней правовые акты, относящиеся к периоду правления первой правящей династии – династии Рюриковичей IX – XVI века н.э., такие, как Русская Правда, Судебники Ивана III и Ивана IV.

Ключевые слова: древнерусское уголовное право, хищение, татьба, разбой.

Уголовная ответственность за хищение чужого имущества в российском законодательстве имеет более чем тысячелетнюю историю. Положения, устанавливающие ответственность за такого рода деяния, обнаруживаются уже в самых ранних письменных источниках права Киевской Руси, упоминание о которых дошли до наших дней, – договорах киевских князей с Византией, заключенных в X веке. Схожие нормы позднее в начале XI века были включены в Краткую редакцию Русской Правды – первый письменный сборник правовых актов, составленный в период правления киевского князя Ярослава Владимировича, известного в истории как Ярослав Мудрый.

Конечно, правовые конструкции тех лет далеки от статей УК РФ, устанавливающих ответственность за кражу, грабеж или разбой, вместе с тем именно они стали отправной точкой, с которой началось развитие системы уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с хищениями.

Отсутствие дошедших до нас более ранних, чем Русская Правда, письменных источников внутреннего законодательства свидетельствует о том, что до начала X века на территории Киевской Руси, вероятнее всего, действовало обычное право, существовавшее только в устной форме. О наличии обычного права у народов Древнерусского государства имеются указания в письменных исторических памятниках той эпохи. Так, Нестор в «Повести временных лет», приводя текст договора, заключенного в 945 году киевским князем Игорем, указывает, что в случае кражи у греков русский должен понести наказание «по закону русскому» [1, с. 35]. О наличии определенных правил наказания преступников (взимания виры с разбойников) упоминает Нестор и при описании более поздних периодов, в частности периода правления князя Владимира Святославовича, относящегося к концу X века [1, с. 87–88].

Несмотря на отсутствие письменных источников внутреннего законодательства данного периода, имеется возможность судить о существовавших на

Руси на тот момент имущественных преступлений и наказаниях за них, исходя из текстов международных договоров киевских князей. Наиболее информативными из них являются договор, заключенный с Византией киевским правителем Олегом в 912 году (далее – Договор 912 года), и договор, заключенный с Византией киевским князем Игорем в 945 году (далее – Договор 945 года).

Представляется, что положения данных договоров, касающиеся имущественных преступлений, не были основаны на действовавшем на тот момент византийском законодательстве. Еще с VIII века в Византии имущественные преступления рассматривались не как частные, а как публичные деликты, в связи с чем за их совершение устанавливались суровые, как правило, телесные наказания. Так, например, согласно ст.ст. 10 и 11 титула XVII Эклоги – наиболее актуального на момент описываемых событий свода византийского законодательства, созданного в эпоху правления императора Льва III Исавра и его соправителя Константина (VIII в. н.э.), за воровство в лагере или в походе вор должен был быть высечен, если же предметом воровства был конь, то вору отрубали руку, то же наказание следовало за повторно совершенное воровство в другом месте [2, с. 69]. В вышеуказанных договорах такие наказания не предусматривались. Ими устанавливалось наказание в виде денежных выплат кратных стоимости похищенного имущества. Денежное наказание за имущественные преступления было присуще не римскому и византийскому, а варварскому законодательству раннего Средневековья¹. В пользу того, что в указанных положениях договоров нашло отражение обычное право Киевской Руси, свидетельствует и тот факт, что Договор 912 года был заключен после крупной военной победы Олега над Византией в 907 году, а Договор 945 года – после похода князя Игоря на Византию в 944 году, кото-

¹ См., напр.: § 1 титула XXII Салической правды. Ст. 146 Эдикта Ротари и др.

рый закончился миром, заключенным по инициативе византийского императора, т.е. и в первом, и во втором случае киевские правители имели возможность навязать свою волю императорам.

Анализ договоров, о содержании которых мы можем судить только из записей Нестора, так как их тексты в подлинниках до нашего времени не дошли, показал, что в рассматриваемый нами период выделялись две формы хищения – это кража и грабеж.

Договор 912 года устанавливал право потерпевшего убить вора, если тот будет пойман в момент совершения кражи или при подготовке к ней, в том же случае, если вор сдастся, то на него накладывалась обязанность выплатить возмещение в тройном размере.

От кражи отличался грабеж, который в Договоре 912 года описывался следующим образом: «если кто из христиан (византийцев. – *авт.*) или из русских посредством побоев покусится и явно силою возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере» [1, с. 26].

Более полно об ответственности за имущественные преступления на территории Древнерусского государства можно судить по первому письменному источнику внутреннего права Киевской Руси – Русской Правде, нормы которой действовали с начала XI века до конца XV – середины XVI века вплоть до издания судебных первых русских царей Ивана III (1497 год) и Ивана IV (1550 год).

Известны три редакции Русской Правды. Первая – Краткая редакция, согласно Новгородской первой летописи, была создана в 1016 году. Ее авторство приписывается киевскому князю Ярославу Владимировичу Мудрому, на что имеется указание в наименовании. Позже во второй половине XI века эта редакция была дополнена сыновьями Ярослава Изяславом, Всеволодом и Святославом и в окончательном виде стала состоять из 43 статей, из которых хищениям были посвящены 8 статей: 12, 29, 34, 35, 36, 37, 39, 40 [3, т. 1, с. 47–49]. Данные нормы отличались казуистичностью, большинство из перечисленных статей устанавливали ответственность за кражу того или иного имущества, что было характерно не только для древнерусского права, но и для большинства аналогичных европейских документов того периода.

Само хищение в Краткой редакции Русской Правды никак не именовалось, оно включалось в общее понятие преступления, которое определялось как «обида». Для его описания использовался глагол «крадеть» или «оукрадеть» (ст.ст. 29, 34), сам же вор именовался «тать» (ст. 38).

Наказания, назначавшиеся за кражу, позволяли сделать вывод о том, что кража рассматривалась в большей степени как частный деликт, поскольку основным наказанием за нее была определенная выплата потерпевшим, вместе с тем в ряде случаев виновный наряду с возмещением вреда должен был заплатить штраф князю, именовавшийся «продажей» (ст. 34).

Уже на данном этапе развития древнерусского законодательства можно выделить квалифицирующие обстоятельства кражи, при наличии которых назначалось существенно более строгое наказание. К таким обстоятельствам относятся совершение кражи группой и совершение кражи из «клети»² [4, с. 52] (ст. 29). Кроме того, повышенная ответственность устанавливалась за кражу некоторых видов имущества, таких, как лошади, оружие, одежда (ст. 12), собаки, ловчие птицы (ст. 37). Последнее было обусловлено значимостью данного имущества для экономики Древнерусского государства, так как основным источником материальных благ в те времена являлось сельскохозяйственное производство, охота, а также военные трофеи и дань, получаемая от побежденных в результате военных действий народов. Лошади являлись основной тягловой силой в сельском хозяйстве, а конница – основной ударной силой в войске, собаки и ловчие птицы широко применялись в охоте, а наличие одежды, с учетом климата, было одним из условий выживания человека.

Встречается в Краткой редакции Русской Правды и упоминание о разбое (ст. 20), однако отнести разбой в том понимании к имущественным преступлениям нельзя. Вероятнее всего, под разбоем понималось преступление против личности – убийство, которое было совершено не из-за ссоры, а из корыстных или иных побуждений. Об этом свидетельствует тот факт, что разбой упоминается только, когда речь идет об убийстве, при этом убийство в разбое противопоставляется убийству «в сваде», т.е. в ссоре. Ответственность за разбой предусмотрена не в виде «продажи» (штрафа за кражу), а в виде «виры» (штрафа за убийство). Упоминание о воре за разбой имеется в «Повести временных лет» при описании событий, происходивших еще до издания Русской Правды в период правления киевского князя Владимира Святославовича (вторая половина X века).

Вторая редакция Русской Правды, известная как Пространная редакция, была составлена во времена киевского правления князя Владимира Всеволодовича Мономаха (первая половина XII века). Она состоит из двух частей, первая из которых представляет собой переработанную с учетом произошедших изменений в обществе Краткую редакцию, а вторая часть – свод правовых норм, разработанных непосредственно в период правления Владимира Мономаха [3, т. 1, с. 64–73].

В части ответственности за воровство Пространная редакция в целом соответствует нормам, указанным в Краткой редакции, вместе с тем имели место и некоторые изменения. Для обозначения хищения был введен термин «татьба». Также был расширен перечень наказаний за имущественные преступления. Наряду с указанной в Краткой редакции

² Клеть – малая хозяйственная постройка или пристройка к основному жилищу, кладовая комната. В старославянском языке означало хижину, жилую постройку.

«продажей»³ [4, с. 85], в Пространной редакции упоминается и такое наказание как «поток»⁴ [4, с. 81]. Так, согласно ст. 30, поток в качестве наказания был предусмотрен для конокрадов. Аналогичные положения отражены и в более поздней Сокращенной редакции Русской Правды.

Существенным образом изменились нормы об ответственности за имущественные преступления с изданием Судебников 1497 и 1550 годов.

В Судебнике 1497 года [3, т. 2, с. 54–62], изданном в период правления Великого князя московского Василия III, прослеживается совершенно иной, по сравнению с Русской Правдой, подход к имущественным преступлениям. Такие преступления рассматриваются уже не как частный деликт («обида»), а как публичное правонарушение («лихое дело»). Соответственно система наказаний за такие преступления смещается от кратного возмещения ущерба и штрафа в сторону ужесточения. Например, согласно ст. 10, за впервые совершенную кражу («татьбу») виновный наказывался торговой казнью – поркой кнутом на торговой площади, за повторную кражу в качестве наказания предусматривалась смертная казнь (ст. 11). Смертной казнью наказывалась и кража, совершенная в церкви, а также кража, совершенная особо опасным преступником («ведомым лихим человеком») (ст. 9).

Некоторые изменения претерпела и система преступлений. В отличие от Русской Правды в Судебнике 1497 года отсутствуют нормы, посвященные кражам отдельных видов имущества. Разбой уже не рассматривается как разновидность убийства, а выделен в самостоятельное преступление (ст. 8). Вместе с тем понятие разбоя никак не определяется, в связи с чем сделать вывод о его полном содержании затруднительно.

Приведенные положения Судебника 1497 года позже перешли в Судебник 1550 года, принятый в период правления Ивана IV.

Отметим, что кардинальные изменения в XV – XVI веках претерпело не только законодательство об имущественных преступлениях, но и все русское уголовное право. Изменилось само понимание преступления, теперь оно стало рассматриваться не как частная обида, а как нарушение законодательного запрета, воли государя. Существенно ужесточились санкции за все виды преступлений, существовавшие ранее штрафы («виры», «полувиры», «продажи») заменялись телесными наказаниями и смертной казнью. Причины таких изменений кроются в социально-экономических и политических процессах, происходивших в русском государстве в тот период. Начавшиеся еще в XIV веке централизация власти и объединение русских земель вокруг Великого княжества Московского породили необходимость издания таких нормативных актов, которые бы позволили существенным образом укрепить власть московских князей на вновь присоединенных территориях. Необходимость исполнения воли государя должна была подкрепляться жесткими наказаниями заслушание. К концу XV века удалось полностью освободиться от ига Золотой Орды, что позитивным образом сказалось на экономике, так как отпала необходимость платить дань. Развитие экономики и системы налогообложения ослабило роль судебных штрафов для пополняемости казны, что стало экономической основой для более широкого внедрения иных видов наказания. Немалую роль в усилении уголовной репрессии сыграло и двухсотлетнее татаро-монгольское иго, которое, по мнению ряда историков [5, с. 341–369], коренным образом изменило русское государство, определив на многие годы его дальнейшее развитие по типу восточных деспотий, со свойственным им законодательством, предусматривающим максимально жесткие санкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Повесть временных лет* / пер. с древнерусского Д.С. Лихачева. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
2. *Эклога*. Византийский законодательный свод VIII в. / вступ. статья, перевод, комментарий Е.Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 226 с.
3. *Российское законодательство X–XX веков: Тексты и коммент.* В 9 т. / под общ. ред. и с предисл. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984–1994.
4. *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М.: Спарк, 2001. 119 с.
5. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, 1997. 465 с.

DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT DURING THE REIGN OF THE RURIKIDS (THE 9TH – 16TH CENTURIES)

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 10, pp. 5–8. DOI: 10.17223/23088451/10/1

Andrey V. Arkhipov, Tomsk Agricultural Institute (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aav180@mail.ru

Keywords: Old Rus criminal law, theft, larceny, robbery.

The paper explores the norms of criminal liability for theft in the Old Rus state legislation. The author analyses the legal acts related to the first ruling dynasty – the Rurikids – in the 9th – 16th centuries AD: *Russkaya Pravda* (Rus Justice), *The Sudebnik* (Code of Laws) of Ivan III and Ivan IV. It is noted that the provisions of *Russkaya Pravda* were on similar to those of the early

¹ Продажа – род денежного штрафа, вносимого в виде наказания за некоторого рода преступления, в т.ч. кражу и порчу имущества.

² Поток – наказание в виде лишения преступника защиты его жизни, жизни его близких родственников и имущества со стороны властей и верви.

medieval acts in Western Europe. The specificity of *Russkaya Pravda* legal regulations related to the criminal liability for crimes against property was their casuistry. The main penalties for these crimes were multiple compensation for damages and fines – “sale.” However, the tendency to identify various forms of theft and their types could be observed even at this stage. They distinguished such types of crimes against property as theft (*tatba*) and robbery. We assume that the early editions of *Russkaya Pravda* qualified robbery not as a crime against property in its modern sense, but as a kind of murder. Unlike murder “in the course of a dispute”, robbery described a premeditated murder for financial gain or other reasons. The paper draws attention to the significant changes undergone by the Russian legislation after the Mongol-Tatar yoke and in the beginning of the unification of Russian lands around the Grand Duchy of Moscow. The *Sudebniki* of the first Russian tsars Ivan III and Ivan IV show a completely different approach to crimes against property, in comparison with *Russkaya Pravda*. Such crimes are qualified as a public offense (“notorious deed”), rather than as a private delict (“insult”). Accordingly, the system of penalties for such crimes is shifted from a multiple compensation of damage and fine to greater punitive measures. For example, according to Article 10 of the Ivan III’s *Sudebnik*, if a perpetrator committed theft (*tatba*) for the first time, he was whipped on the market place. In case of a repeated theft, the perpetrator was sentenced to death. The death penalty was also given for the theft from church, or if theft was committed by a particularly dangerous criminal (“notorious or known dangerous criminals”).

REFERENCES

1. Likhachev, D.S. (ed.) (2012) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Vita Nova.
2. Lipshits, Ye.E. (ed.) (1965) *Ekloga* [The Eclog]. Translated from ancient Greek by Ye.E. Lipshits. Moscow: Nauka.
3. Yanin, V.L. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. V 9 tomakh* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries. In 9 vols]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Isaev, M.A. (2001) *Tolkovyy slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov* [Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms]. Moscow: Spark.
5. Vernadsky, G.V. (1997) *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Tver: LEAN.